

Э д у а р д
ЛИМОНОВ



Эдуард Лимонов

Смрт

«Центрполиграф»

2016

УДК 82-5
ББК 85.374

Лимонов Э. В.

Смрт / Э. В. Лимонов — «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-06565-0

Период распада Югославии – это очень важный и трагический момент в истории современной Европы. Но как мало существует или переведено на наш язык произведений, рассказывающих об этих событиях! Прочитав эту книгу, можно составить довольно полное представление о событиях, произошедших совсем недавно, но уже многими забытых. Это интересно. Это стоит прочитать. Это просто события, рассказанные Э. Лимоновым правильно.

УДК 82-5
ББК 85.374

ISBN 978-5-227-06565-0

© Лимонов Э. В., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
«Голуби» и «ястребы»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эдуард Лимонов

Смрт

© Лимонов Э., 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Вместо предисловия

Если бы я писал киносценарий, то 90-е годы выглядели бы так.

Сцена первая

В самолете. Эдуард Лимонов летит в Белград, куда он приглашен сербским издателем на презентацию своей книги на сербохорватском языке. 1991 год, ноябрь. Авиарейс Париж – Белград. В салоне самолета Air France сидит еще не седой Лимонов и налегает на вино. На откидном столике – масса пустых бутылочек. Вокруг бродят большие сербы. Шелестят газетами. На полотнищах газет то и дело видно короткое бритвенно острое слово СМРТ, то есть «смерть». Сербская смерть быстрее русской, она как свист турецкого ятагана.

Сцена вторая

Презентация книги Лимонова в большом книжном магазине в Белграде. Дружелюбная толпа почитателей. Красивые крупные сербские женщины среднего возраста. По виду богатые. К русскому писателю подходят несколько мужчин в военной форме. Министры правительства республики Славония и Западный Срем.

– Мы читаем ваши статьи в газете «Борба». Они вдохновляют нас. Что вы знаете о нашей республике?

– Ничего не знаю, – отвечает писатель.

– Вуковар на нашей земле, – поясняет один из министров.

– О! – О Вуковаре писатель знает. Об этом городе тогда писали газеты всего мира. Сербский анклав на территории Республики Хорватия осажден сербами. Идет кровопролитная битва за Вуковар.

– Хотите приехать на нашу войну? О нас пишут всякие ужасы западные газеты. Вы свой, вы поймете, что мы защищаем и отвоевываем землю наших предков.

– Да, я хочу, – соглашается писатель. И получает неожиданно прямое предложение:

– Тогда утром мы заедем за вами. Вы в каком отеле остановились?

Лимонов называет отель и номер комнаты.

– В четыре утра, – говорят министры. И уходят.

Сцена третья

Ночь. В отеле. Лимонов одевается. У него озабоченный вид. Его так быстро втянули в историю, а у него были другие планы. На войну он хочет, но вот так сразу... Он волнуется. В свои сорок с лишним лет он никогда не был на войне. Он надевает свой немецкий морской бушлат с металлическими пуговицами и садится на постель. Ждет. Встает, ходит, смотрит на часы. Ложится на постель прямо в обуви. Ждет. Через некоторое время раздается сильный стук в дверь. Писатель вскакивает, открывает дверь. За дверью два огромных серба в военной форме. Улыбаются. Готов ли товарищ Лимонов? Готов. Выходят.

Сцена четвертая

Автомобиль пожирает километры по практически пустой дороге. Один из военных за рулем, другой серб с карабином между ног на переднем сиденье. Писатель на заднем сиденье.

Рядом с ним фотограф-венгр. Светает. Видны дорожные указатели. Надписи: «Шид – 100 км, Загреб – ...» Сколько километров, писатель не успевает прочесть. Машина останавливается у КПП. Писатель видит мешки с песком. Военная полиция проверяет пропуск на автомобиль и пассажиров... «Дозвола». Всё в порядке. Автомобиль утягивает километры под колеса. Начинает идти снег, несмотря на то что это Балканы, где-то рядом Греция. Вдруг вдоль дороги видно марширующее воинское подразделение в горчичного цвета шинелях. Замерзшие лица солдат. Еще одно подразделение – эти в оливкового цвета форме, без шинелей. Наконец автомобиль с писателем пристраивается в хвост колонны бронетехники и артиллерии. Все больше солдат в кадре. Начинает явственно бухать артиллерия. Канонада все громче.

Следующая сцена

Городок Шид. Пресс-центр армии. Писатель сидит в большом кабинете и пытается понять суть спора между сопровождающими его военными и капитаном из пресс-центра.

Приблизительно спор сводится к следующему: пускать или не пускать журналиста Лимонова к городу Вуковар. Капитан, потрясая французским паспортом писателя, заявляет, что нет, нельзя, он – западный журналист.

Военные заверяют, что с французским паспортом этот журналист все же «рус», «православец», свой и пишет для белградской «Борбы». Капитан кричит, что все французы – католики и работают на хорватов. «Борба! Рус!» – кричит дружелюбный военный. «Француз, католик!» – кричит капитан.

Видны за окном проходящие в колоннах солдаты, слышна канонада, идет снег. Ситуацию разрешает появившийся в сопровождении многочисленных военных один из министров, встреченных в Белграде. Улыбается, подходит к писателю, жмет руку. На рудиментарном английском объясняет, что Вуковар взят. Сегодня. На рассвете. Начальник пресс-центра капитан расслабляется. Ставит свою печать и подпись на «дозволе».

Писатель замечает, что столы в пресс-центре покрывают толстые стекла. Как некогда в старых советских кабинетах. Все идут к выходу. Чувствуя вину, капитан долго трясет руку писателю и просит, проезжая через Черный лес, ехать на полной скорости, дорогу до сих пор обстреливают снайперы.

Следующая сцена

Автомобиль несется со всей возможной скоростью. Выстрелы слышны, но непонятно, кто и куда стреляет... Открытое пространство заканчивается. Все целы. Автомобиль цел. Скорость снижена. Вдруг у поворота страннейшая сцена. На снегу стоит несколько пляжных разноцветных зонтов. Они раскрыты над столами. Вокруг на снегу пластиковые стулья. На одном из них надувная розовая резиновая женщина. Вокруг странные бородатые солдаты в черном: сапоги, кожаные куртки, черные папахи с кокардами. Хохочут, подталкивают друг друга. Останавливают автомобиль, проверяют «дозволу». «Руса везем, журналиста», – хвастают военные. «О, рус, рус. Когда придете к нам на помощь?» Писатель улыбается. Объяснять, что он «рус» из Парижа, излишне. Автомобиль трогается. «Четники, – поясняет водитель. – Очень храбрые». «И очень пьяные», – добавляет тот, что с карабином.

Следующая сцена

Они въезжают в совершенно разрушенный город Вуковар. Пейзаж напоминает Сталинград. Вокруг работают несколько огромных военных бульдозеров. Расселись на ступенях раз-

рушенного здания (это был музей) усталые и серые от пыли солдаты. Перед ними бидон с супом, в мисках горячая похлебка, клубы пара. Оказывается, температура минус десять. Вот тебе и Балканы! Ноябрь. Виден некий бетонный фонтан. Точнее, то, что от него осталось. Скульптура в центре фонтана разбита, на металлической арматуре повисли куски рук, лиц и торсов. «Лаокоон»? «Пьета»? Непонятно. Писатель быстро устремляется в развалины. Он захотел отлить. На него бросается молодой солдатик в пилотке и подминает писателя своим весом. Они падают на землю.

– Что? – не понимает писатель. – Что не так? За что?

– Тут полно «паштетов», они везде!!! – кричит солдатик.

– «Паштетов»?!

– Противопехотная мина, – объясняет фотограф, – закапывается в землю, начинена гвоздями, обрезками железа. Запрещена Женевской конвенцией.

– Смотри, – говорит солдатик. Берет кирпич и бросает его в том направлении, куда направлялся отлить писатель. Раздается взрыв.

Следующая сцена

Центр опознания трупов вблизи Вуковара. Доктор в оранжевом халате, содрав перчатки, моет руки под струей воды из цистерны. Горит в нескольких бочках солярка, чтобы согреться и заглушить запах трупов – он, несмотря на минусовую температуру, различим. Солдаты в марлевых повязках сгружают с грузовиков трупы. Труп голой старухи – часть тела обожжена, в области груди видны огнестрельные раны – с грузовика стаскивают вниз на медицинскую тележку. Одна из рук старухи перебита и чуть не отваливается. Солдат подчищает пол кузова грузовика лопатой, кусок тела либо окровавленной одежды падает на тележку, на труп старухи. Солдаты прыгивают и идут мыть руки все к той же цистерне. Хохочут. Доктор, увидев непонимающий взгляд писателя, провожающий солдат, философски замечает, что СМРТ – это СМРТ, а живот есть живот, то есть жизнь.

Следующая сцена

Доктор водит писателя и показывает ему трупы со следами пыток. На спине у трупа мужчины вырезаны то ли штыком, то ли ножом несколько ран. Трупов так много, что они не только лежат рядами в клеенчатых зеленых палатках, но и рядом с палатками в черных пластиковых мешках с молниями. Отдельно в палатке поменьше – пять трупов детей. У одного очередью перебиты руки. Самый маленький труп лет пяти – с выколотыми глазами.

– Кто они? – спрашивает писатель. – Сербы? Хорваты?

– Мы не знаем, – отвечает доктор. – Фамилии у нас у всех общие, не позволяют отличить. По крестикам только и определяем. Еще есть десяток имен исключительно хорватских. Для девочек, например, Яна. – Доктор замолкает.

Это только один из эпизодов «моей» первой сербской войны. А всего их было три, «моих» сербских войн. И еще война в Приднестровье и в Абхазии война. И так как все их вместить в один сценарий нет пространственной возможности, то вот несколько обрывков сцен, в жанре киносценария.

Приднестровье. 1992 год. Город Бендеры. Открыты ворота огромного сарая. На стуле (тельняшка, поверх тельняшки камуфляжный жилет – разгрузка, несколько гранат висят и торчат, пистолет на поясе, автомат на коленях) сидит батько Костенко – подполковник, кореец с глазами рыси. Глаза желтые. Батько вершит суд. За ним полуколыцом стоят приближенные.

Среди них писатель Лимонов; подруга батьки Костенко – Таня в темных очках; офицеры. Фоном служит сено, сельскохозяйственные орудия и разнообразное оружие. Перед батькой дезертиры. Пятеро.

– Магазин грабили? – спрашивает батько сурово.

Дезертиры молчат. Костенко:

– Значит, грабили. У воющего народа берете, суки! – Батько сжимает зубы. Видны желваки скул. – У своих братьев отнимаете!

Дезертиры молчат. Костенко:

– Будете молчать – шлепну каждого второго. Женщину кто избивал?

Дезертиры молчат. Костенко:

– Жук, кто избивал хозяйку?

Жук, парень в камуфляже, в кроссовках, прижимающий левой рукой автомат к груди, уверенно указывает на старшего по возрасту дезертира. Длинноносый, худой, с запавшими глазами.

– Этот злыдень.

Костенко. Бил? За что, сволочь, бил?

Длинноносый. Да не бил я...

Костенко. Значит, баба придумала, да? Она не ссыкуха какая, пожилая женщина, у ней дочь взрослая.

Длинноносый. Да не бил я...

Костенко. Если бы не писатель среди нас, ты бы у меня тут обосрался, но все сказал. Завтра решу вашу судьбу. В подвал их, Жук!

Жук. Там же румыны сидят! И полицаи.

Костенко. К румынам их!

Жук. Пошли, злыдни!

Уводит дезертиров, спустив автомат на левую руку. С ним уходят несколько солдат.

Костенко. Следующий!

Пожилой молдаванин, смущенно одергивая пиджак, выходит к батьке: «Просьба у меня, батька. Дай бензина, дочь рожает, повезу в больницу».

Костенко. А чего ты ко мне идешь, в райсовет бы шел.

Крестьянин. Ты, батько, все решаешь. Костенко. Дать ему бензин!

Быстро подъезжает уазик скорой помощи. Красный крест намалеван везде: на бортах, сзади и даже на крыше. Из него выскакивает молодой солдат. Солдат: «Батько, там в подвале ребята снайпершу – «белые колготки» окружили!»

Костенко. А это интересно!

Встает, садится в уазик рядом с шофером. Кто успевает (среди них Лимонов), садятся в уазик. «Скорая» срывается с места.

Следующая сцена

Лабиринты подвала жилого дома. Костенко, писатель, солдаты склонились над матрасом в углу. Костенко держит в руке женскую туфлю. Красную. На матрасе несколько пятен крови.

Костенко. «Белые колготки», «белые колготки»! Олухи. Соседские ребята целку затащили и трахнули. А она сбежала!

Смеется.

Следующая сцена

Абхазия. 1992 год. Салон автомобиля «жигули». Серпантин дороги. Рядом с водителем писатель Лимонов. Указатель «Нижние Эшеры». Бетонные блоки перегораживают дорогу. Сбоку от дороги – море. Сделав петлю между блоками, автомобиль выезжает на свободную дорогу. У обочины отряд, с первого взгляда подростков. Они одеты в черные комбинезоны, увешаны оружием, на лбу черные и зеленые повязки. Выглядят они как массовка фильма о какой-нибудь мексиканской революции. Проверяют документы у водителя. Брезгливо разглядывают его и пассажира.

Один из «подростков». Куда направляетесь?

Водитель. В штаб командующего фронтом.

«Подросток». Пропуск есть?

Водитель предъявляет пропуск.

«Подросток». Оружие есть?

Водитель вынимает из бардачка пистолет. «Подросток» заинтересованно берет пистолет в руки.

«Подросток». Из музея, что ли, украл?

Водитель морщится. «Подросток» отдает ему пистолет. Водитель нажимает на газ.

Писатель. Кто такие?

Водитель. Чеченцы. Отряд Шамиля. Очень храбрые бойцы... Но заносчивые.

Следующая сцена

Москва. 3 октября 1993 года. Вечер. Телевизионный центр «Останкино». Большой грузовик пытит у входа в технический корпус, там, где центральный вход. Чуть отъезжает и вдруг ударяет в стеклянную дверь и стену. Звон разбитого стекла. Толпа людей.

Писатель Лимонов стоит в первом ряду вблизи от грузовика. С ним разговаривают Константинов – председатель Фронта национального спасения – и дед на костылях. Все веселые. Дед, выбивая из пачки «Явы» сигарету: «На, Эдик, закури!»

Писатель. Да я уже двенадцать лет не курю, бросил.

Дед. Сегодня такой день, великий день, что можно!

Лимонов закуривает.

Сквозь быстро собирающуюся толпу просачиваются журналисты. Фотографы и операторы снимают грузовик. Вдруг раздается оглушительный взрыв, и волна нестерпимого света и тепла накрывает первые ряды толпы. Почти одновременно раздается дробный звук пулеметных и автоматных выстрелов. Стреляют из здания. Сверху. Раздаются крики. Ругательства.

Писатель падает на асфальт и отползает прочь. Добравшись до гранитного бордюрного забора, окаймляющего клумбу, оглядывается. На всем пространстве у здания лежат тела. Некоторые стонут и шевелятся. Другие недвижимы. Писатель с ужасом замечает, что у него на бушлате остановилась красная горящая точка, но, постояв, она перемещается на лежащего рядом молодого парня. «СМРТ», – бормочет писатель. И ползет прочь.

«Голуби» и «ястребы»

Уже и не помню, кто меня поселил в Пале в отель, кажется, Момчило Краишник, он сидит сейчас в тюрьме для международных преступников в Гааге, а тогда он был председатель Скупщины Сербской Боснийской республики, а высокогорный городок Пале, нависший над Сараево, был столицей этой республики, почившей в бозе. Иногда я пытаюсь писать стихи о тех временах, у меня есть первая строчка «Гербы исчезнувших республик...», а дальше я не продвинулся. Слишком живо все это еще и больно. Много людей погибло.

Так вот. Пале нависало таким разбойничьим гнездом над городом Сараево, и была осень 1992 года. В Сараево сидели мусульмане во главе с жестоким Алией Изетбеговичем, а сербы сидели на горах вокруг. В тот год они спокойно могли взять Сараево, собственно, они удерживали уже один квартал – Гербовицы, куда я, конечно, спустился с сербским отрядом и выпил кофе в кафе, телерепортаж из этого кафе обошел экраны телевизоров всего мира в тот год. Хотя, конечно, это все была показуха, это кафе, ибо никакой нормальной жизни там не установилось. Выходили мы из кафе как из окружения, вначале обстреляв улицу напротив, потом перебежками до подбитого автобуса и так далее в том же духе. Какой черт меня понес в эту Гербовицу и в кафе, спросите вы. Думаю, бравада, врожденное сумасбродство. Чтобы потом в Париже процедить сквозь зубы какой-нибудь мурлыкающей парижаночке, указывая на телеэкран: «Я там был, ты знаешь?» Официальная версия моих приключений в те годы: журналистская деятельность. На самом деле я практически всегда путешествовал самовольно, на свои деньги и, лишь вернувшись живым в Париж, писал, бывало, репортаж-другой и пытался их продать. Мой диагноз был простой: авантюризм. А прикрывался я личиной военного корреспондента.

Но вернемся в Пале. Момчило Краишник принял меня, несмотря на позднее время. Русских гостей у них тогда вообще не было, говорили о каком-то русском докторе, вроде бы дезертировавшем из контингента голубых касок ООН, но я так никогда этого легендарного доктора и не встретил. У Момчило Краишника было крупное доброе сербское лицо, и самая фамилия свидетельствовала о том, что он серб с окраин, то есть из диаспоры. А не с пшеничных полей матери-Сербии. Я был несколько нетрезв, когда вошел в кабинет к Краишнику, но это его не смутило. Сербь вообще проще и лучше русских в простых жизненных ситуациях, они подходят к человеку с пониманием. Тем более я сразу сообщил ему, что на пути заехал вместе с попутчиками в монастырь, где монахи напоили нас сливовой водкой. Мы поговорили с Краишником как два государственных мужа об отношениях России и Сербии, в то время никаких, и меня отвезли в отель.

Хотя была ранняя осень, там повсюду был снег, свистел ветер в соснах, и было очень холодно, даже изрядно выпившему человеку. Я слабо знал сербский, мой попутчик, бывший военный комендант Сараево, Йован и его водитель не говорили ни на одном языке, кроме сербского, и потому я плохо себе представлял, где очутился. Краишник внес небольшую ясность в мою личную космогонию и топографию, но с учетом нетрезвости я все равно плохо соображал, где нахожусь. Знал, что где-то над Сараево.

Дело в том, что я уже скитался по Сербской Боснийской республике чуть ли не неделю. В Белграде меня доверил коменданту Йовану (у меня сохранились его фотографии: длинное гражданское пальто, белый шарф, ястребиный нос) человек, которого разыскивает уже много лет гаагское правосудие, – генерал Радко Младич. Радко Младич ошибся тогда: он принял меня, русского эмигранта с французским паспортом, за эмиссара из России. Результатом этого недоразумения была трехчасовая беседа над крупномасштабной картой Сербской Боснийской республики, Сербии и Боснии и Герцеговины, короче, всей бывшей Югославии. Генерал был одет в ярко-синий гражданский костюм, явно ему тесноватый. Он выглядел как приодевшийся

на церковный праздник крестьянин. Младич сообщил мне, что им нужны вертолеты МИ-24 и, кажется, противоракетные комплексы СС-300, если таковые тогда уже существовали. Может, это были СС-200? Еще им необходимо было горючее для танков, контрабандного горючего сербам не хватало. Еще я узнал, где и какие военные заводы расположены в Хорватии и Герцеговине. Проинструктировав меня таким образом, генерал доверил меня Йовану, и мы поехали в Боснию через горы.

Йован привез меня в свой округ Вогоща. Его сербский дом оказался вполне турецким, диваны и подушки как в гареме, молчаливые женщины. Его отец, одетый в шапочку и халат, мог вполне быть принят за мусульманина. Из округа Вогоща я и спустился с отрядом в Гербовицу. А затем совершил поход в местечко Еврейски Гроби (там находится еврейское кладбище, фактически это пригород Сараево). В Гробах я познакомился с отрядом четников и удрал с ними в атаку на позиции мусульман. Йован не углядел за мной, и я вместе с бойцами прыгнул с укрепленных наших позиций на ничейную землю и устремился вперед. Следуя инструкции, делал несколько выстрелов с одной позиции, менял ее, делал еще несколько выстрелов. Йован устроил мне впоследствии скандал. После именно этого случая Йован отвез меня в Пале. Я думаю, он устал за мной приглядывать.

Не помню, в какой момент он исчез и как мы попрощались. Помню уже, что мне дали в холле отеля ключ и аккуратно отрезанный кусок свечи и спички. В холле стояли столы, и за столами галдели вооруженные и невооруженные сербы. Оказалось, в отеле нет света, не работает канализация и отопление. Наверх меня проводил какой-то хлопец в хаки. По дороге мы встретили призраков со свечами, таких же как и мы. Хлопец открыл мне дверь, принес из соседнего номера стопку одеял. На мой изумленный возглас: «Зачем мне одному столько одеял?!» – я получил ответ на сносном английском, что и этих одеял будет мне недостаточно, так как температура по ночам опускается до минус 15. Затем он ушел, сообщив, что если я хочу есть, то нужно сделать это сейчас, но в любом случае горячей пищи у них нет. И он скрылся за дверью.

Я улегся в постель одетый, прикрывшись парой одеял, и некоторое время повозился с моим новым пистолетом, подаренным мне комендантом округа Вогоща и его офицерами. Пистолет югославского производства, фабрики «Червона звезда». Игрался, пока его не заклинило. Наигравшись, взрослый дядя, я навалил на себя все выданные мне одеяла и еще комплект постельного белья. Полежал, вслушиваясь в звуки отеля. Шаги по коридору, голоса. Снаружи вдруг послышалась отдаленная канонада. И я уснул.

Проснулся я от холода и пронзительного света. Весь отельный номер заливало чудесное холодное солнце. В окне колыхала кроной ярко-зеленая сосна с ярким свежим красным стволом. Я вспомнил, где я нахожусь, и прошел к окну. Глазам моим предстал величественный пейзаж заснеженных гор, залитых солнцем. Я решил, что жизнь замечательна, и отправился в туалет. В туалете стояла вонь застоявшейся мочи, и я вспомнил, что канализация не функционирует. Я решил спуститься вниз, в холл отеля, справить где-нибудь нужду и выпить кофе. Прибирая постель, я смахнул на пол мой пистолет. Слава богу, он стоял на предохранителе, потому что он не слабо хряпнулся о паркетный пол. Обратив внимание на чудесный, тесно пригнанный паркет, я перенес свое внимание на стены, они были обшиты деревом. Все было выполнено в стиле этакого скандинавского шале, но было пронзительно холодно. Надев на себя тельняшку, две рубашки, свитер, пиджак, бушлат да еще и шарф, я вышел в коридор и спустился в вестибюль. В вестибюле мне сказали, что кофе, конечно, будет, но нужно ждать, повар еще не приехал, он ночевал не в отеле, а у себя дома. Что туалетом можно воспользоваться для малой нужды, а для большой вот, пожалуйста – горы. «Mountains», – сказал мне тот же ночной хлопец в хаки, он, видимо, дежурил и днем. «Cold», – сказал он. – Very cold».

Я вернулся в свой номер, стараясь не дышать, отлил в зловонное жерло туалета, хотел просмотреть свои записи в блокноте, но было так холодно, что мне пришлось хлебнуть из

фляжки несколько глотков огненной сливовицы. Стало чуть легче, я перестал дрожать от холода. Но работать, разумеется, было невозможно. Я вложил мой пистолет в кобуру на поясе и вышел. В коридоре мимо моей двери шла седая женщина с сигаретой, в брюках и толстой вязаной кофте. «Good morning», – сказала она и улыбнулась. По виду ей совсем не было холодно. «Я знаю, кто вы, – сказала женщина и назвала мою фамилию. – Пойдемте ко мне, у меня есть керосиновая плита».

Я поблагодарил и пошел за ней. Через несколько дверей от моей двери она остановилась. Мы вошли в помещение вдвое больше моего, и там было тепло! О, какое счастье, там было так тепло, что через некоторое время мне пришлось снять бушлат.

«Я сделаю кофе», – сказала женщина и сбила пепел в неприлично большую металлическую пепельницу, где уже было много пепла и окурков. «Это не будет очень хороший кофе. Но пусть такой. Не знаю, как вы, а я не могу начать день, пока не выпью кофе». В глубине помещения стояли столы, два или три, на них лежали бумаги. За столами сидели мужчина и молодая женщина. Женщина вложила лист в пишущую машинку и стала стучать по клавишам. В это время моя новая знакомая забила молотый кофе из пакета в кофеварку под названием «Занзибар». Почему я ее узнал, такую кофеварку, потому что такая же была у меня в Париже.

– А теперь давайте знакомиться, – сказала она. – Меня зовут Билана. Я член Государственного совета республики боснийских сербов.

– У меня такая же кофеварка, – сказал я, – вы знаете.

– Очень удобная, – согласилась она, – можно варить кофе в любых условиях, на костре, где угодно...

– А где вы так выучились английскому? – спросил я.

– Преподавала в Соединенных Штатах. Я профессор.

– Радован Караджич, ваш президент, тоже профессор, как я слышал?

– Радован – профессор психиатрии. Вы еще не познакомились?

– Нет, – сказал я. – Я только вчера вечером прибыл в Пале. До этого был в округе Вогоща и ходил в Гербовицу с отрядом.

– Это вы зря сделали. – Мне показалось, что она поморщилась. – Там опасно, мы не должны были занимать этот квартал. Но Радован уступил генералам, они требовали продемонстрировать нашу мощь. Я была против. Мы не должны выглядеть агрессорами.

Видимо, у меня было лицо ничего не понимающего человека, потому что она рассмеялась:

– Я вижу, вы не искушены в нашей политике... – «Занзибар» в это время заклохотал, как захлебывающаяся курица. Это означало, что последние плевки кофейной влаги поднялись из нижнего сосуда в верхний. Профессор Билана разлила кофе в две чашки. Одну получил я. Отхлебнул. Жизнь мгновенно сделалась в несколько раз лучше. – Сигарету? – предложила она.

– Спасибо, бросил... Вы говорили о вашей политике...

– Ну да, о нашей многострадальной политике. Садитесь...

Там было несколько стульев, и я сел.

– Двигайтесь ближе к плите, – сказала она. – Тут теплее.

Я послушно подвинулся.

– В нашей республике, и в правительстве, и в Госсовете, есть «ястребы» и есть «голуби». Есть партия генералов. Генералы у нас, как и полагается генералам, – «ястребы». Самый главный генерал у нас – генерал Радко Младич. Он же и главный «ястреб».

– Я познакомился с ним в Белграде, – сказал я.

– О, вот как! И чего он от вас хотел?

– Военной помощи со стороны России. И экономической.

– Ну да, – вздохнула она. – Ему надо заправить свои танки и ворваться в Сараево. Однако нам не нужно этого делать. Как раз этого нам не нужно делать. У нас и так семьдесят два

процента всей территории республики. Запад и без этого обвиняет нас в геноциде мусульман. Я не сомневаюсь, что мы легко захватим Сараево, но как только мы его захватим, к нам сюда придут международные силы ООН и вышвырнут нас...

– Мне стало понятно, что вы «голубь». А какую позицию занимает президент Караджич?

– Радован? Он то «ястреб», то «голубь». На него очень давят генералы, хотя это он сделал Младича генералом, вы знаете? Младич был полковником...

Она затянулась сигаретой. В этот момент я вспомнил, что знаю этот тип женщин. Ей лет пятьдесят с лишним, это тип профессорши американского университета. Некогда, видимо, красивая, с возрастом опростившаяся. Чуть подкрашенные губы, загорелые морщины, не расплывшаяся; сигарета – символ независимости в женщине. Я видел таких женщин в Лос-Анджелесе, и в Корнелле, и в Беркли. По происхождению американки, русские, немки, польки, но типаж тот же. Всегда демократических взглядов, готовые сцепиться с мужчинами... нет, повернем дело так: не демократических даже, но прогрессистских взглядов.

Она заметила, что я ее изучаю. Я счел нужным пояснить:

– Я шесть лет прожил в Америке. Бывал в университетах и кампусах. Вы похожи на американку.

– Ничего удивительного. – Она пожала плечами. – У них есть чему поучиться. Разве нет?

– Да, – сказал я. – Жаль, что их интересы противоположны вашим. Сербы такие же крупные, сильные, решительные мужчины и женщины, как янки. Они – как бы американцы Балкан. Только почему же Запад с мусульманами?

– Опасность исходит от Германии, – сказала она мрачно. – Америка не хочет ввязываться в балканские распри. Германия, воссоединившись, потому что ваш Горбачев им позволил, теперь восстанавливает свою зону влияния. И интригует против Сербии, пытается возмутить против нас всю Европу. С нами только Греция. А ваша Россия отстранилась.

– Да, – сказал я, – это наш позор.

– Они еще пожалеют, что поддержали мусульман в центре Европы... – Она взглянула на часы. – Мне пора. Сегодня важное заседание Госсовета. Я надеюсь, Радован устоит против генералов. Они будут требовать наступления на Сараево.

– А можно мне с вами? – вдруг спросился я.

– Заседания Госсовета всегда закрыты для публики. Мы держим их в тайне, и даже проходят они всякий раз в разных местах.

Я чувствовал, что она колеблется.

– Я не помешаю, – заметил я совсем глупо. – А вдруг чем-нибудь смогу помочь.

Тут она посмотрела на меня тем же взглядом, каким неделю до этого смотрел генерал Младич. Думаю, она поверила на время, что я очень влиятельный русский, если не эмиссар Кремля, то...

– Поехали, – сказала она. – Но если другие будут против, вам придется уйти.

– Без проблем, – сказал я. – Жду вас у выхода.

* * *

Билана появилась очень скоро. Член Государственного совета лишь чуть ярче подмазала губы. На ней была шуба и свежая сигарета в губах. Мы сели с ней в высокий военный автомобиль типа джипа, сзади в микроавтобус сели охранники с автоматами, конечно.

– Я должна бы надеть вам на глаза повязку, – рассмеялась она, – чтобы вы не видели, куда мы едем, но я уж вас не стану пугать.

Мы ловко виляли по высокогорной дороге.

– Вы поняли, что тут очень красиво? – спросила она.

– Ну да. Тут что, горный курорт?

– Не угадали. А впрочем, и да, и нет. Все это построено было для зимних Олимпийских игр в 1980 году. Вы помните игры в Сараево? И отели, в том числе и тот, где мы с вами проживаем в крайнем неудобстве, и трассы, и вот этот бетонный желоб для бобслея, взгляните налево, видите, наши солдаты приспособили его для жизни, покрыли сверху досками и превратили в блиндажи.

Действительно, гигантский желоб бобслея был обитаем. В одном месте на нем были вывешены солдатские одеяла, чуть поодаль сушилось белье. Непонятно было, как они там спят, должно быть, постоянно сползают друг на друга.

Мы проехали через несколько КПП и поднялись по лестнице в некий комфортабельный барак на сваях. Солдаты интенсивно стучали ботинками по деревянным ступеням так, что Билана попросила их не стучать. Вслед за нами, взвизгнув тормозами, я услышал, замер черный автомобиль президента. Я обернулся в дверях и успел увидеть Караджича, крупного мужчину с длинными седыми волосами, в длинном расстегнутом пальто с поясом. Караджич, как выяснилось позже, принципиально никогда не надевал военной формы. Произошла некоторая заминка с моим пистолетом. Естественно, что офицер, отвечавший там за всю безопасность, воспротивился моему вхождению в помещение, где собирались высшие чины государства, с пистолетом. Офицер долгое время не мог понять, кто я такой, и был по этому поводу очень зол. Я сдал ему свой пистолет, но он все равно был зол. До тех пор, пока не появился генерал Младич и не протянул мне руку первый. Офицер тотчас успокоился, и я прошел в помещение, где должно было начаться заседание. Караджич зашел последним и уселся за некое подобие круглого стола, у которого уже сидели все члены Государственного совета. Они позволили мне даже сделать несколько фотоснимков моей примитивной «мыльницей» фирмы «Кодак». И начали заседание. Из того, что я мог понять, более по интонации, чем по смыслу, «ястребы» и «голуби» тотчас сцепились. Видимо, не желая иметь свидетеля своих распрей, минут через пятнадцать они попросили меня покинуть зал.

– Don't be offended, – сказала мне Билана, – now we should talk about secrets of the State. Каждое государство имеет свои секреты, не так ли?

Меня отвезли в Пале, в офицерскую столовую, где я просидел несколько часов и познакомился с двумя десятками офицеров и гражданских служащих правительства. Жаль, что там не подавали вина, у них был установлен недавно сухой закон для таких мест. Но я сходил несколько раз в туалет и там прикончил мою фляжку. Я чего-то ждал, интуиция подсказывала мне, что мне следует ждать. Мне нужно было за что-то зацепиться.

И как со мной всегда бывает в таких случаях, судьба сама шагнула мне навстречу. В военной столовой появилась вдруг группа лиц явно иностранного происхождения, один из них с телекамерой, впрочем зачехленной. Съемки и фотографирование в военной столовой были запрещены, о чем повествовал клочок бумаги на входной двери. Группа лиц получила от раздатчиков свои порции еды и уселась недалеко от меня, сбоку. Я их частично видел, а частично мог догадываться об их движениях. Удовлетворив свой аппетит, они, я увидел, стали осматриваться. И обратили внимание на меня. В темных очках, коротко стриженный, в кожаном пиджаке, с пистолетом на поясе и синих джинсах, я выглядел неординарно среди армейских хаки сербских офицеров. Группа пошушукалась, затем один из них подошел ко мне и заговорил по-английски:

– Простите, вы Эдвард Лимонов, не так ли? Мы – телекомпания Би-би-си. Я – режиссер Пол Павликовский. Я приехал сюда снимать документальный фильм о Сербской Боснийской республике и о ее президенте Радоване Караджиче. Я вас узнал, Эдвард, я читал несколько ваших книг по-английски. Завидев вас, у меня появилась такая идея. Я вам сейчас изложу ее, а вы скажете, согласны вы или нет. Могу я присесть?

– Садитесь.

– Видите ли, как режиссер, я намеревался вставить в фильм интервью с президентом Караджичем. Я собирался провести его сам: я задаю вопросы, он отвечает. Я осознавал, что подобная подача материала – банальна, но другого выхода не видел. Заметив вас здесь, в столовой, я придумал вот что: вы возьмете для моего фильма интервью у президента. Лимонов же говорит по-английски, подумал я. К тому же у сербов и русских одна вера, ваши народы дружили веками. На ваши вопросы президент ответит охотнее и интереснее, чем на мои. Если вы, конечно, не против и если господин президент не будет против. Согласны?

– Сколько это займет времени?

– По нашим подсчетам, дня три. Мы уже отсняли множество материалов.

Офицеры шумно самообслуживались за нашими спинами. Одни отдавали подносы с использованными тарелками в особое окошко, к посудомойкам, другие нагружали подносы свежими блюдами, входящие топтали ногами, ведь на улице таял горный снег. Внезапно все стихло. Офицеры встали все как один.

– Президент Караджич! – сказал Павликовский.

Встали и мы. Президент, в том же длинном пальто с поясом, вошел и направился прямо к нашему столу. Протянул руку Павликовскому. Пожал руки всей съемочной группе. И пожал руку мне. Я сказал, что я русский писец (то есть писатель), а Павликовский вдруг добавил, что у него есть гениальная идея, чтобы русский писец и поэт Лимонов брал бы интервью у сербского поэта и президента Караджича. Если, конечно, господин президент не возражает.

На солидном, но акцентированном американском английском языке Караджич сказал, что он извиняется перед съемочной группой Би-би-си за то, что заставил себя ждать. Заметив, что офицеры в столовой все стоят у своих столов, Караджич показал им рукой: «Садитесь же». Офицеры осторожно, почти беззвучно, сели, что было удивительно, поскольку это были большие и могучие сербские офицеры.

– Я вас видел на заседании Госсовета, – сказал Караджич. – Вы друг Биланы?

– Да, с сегодняшнего утра. Она напоила меня кофе.

Караджич снял пальто и сел. Этому моменту соответствует фотография, где запечатлены он и я, там, в столовой. Слева от Караджича стопка тарелок, его длинные седые волосы обрешены в скобку, как у школяра или Алексея Толстого, и я в темных очках, гладко бритый, по виду скорее похожий на ненавистного сербам хорвата. Караджич, мелькнула у меня в тот момент мысль, похож на профессора американского университета, как и Билана Плавшич. Таковым он на самом деле и являлся многие годы до тех пор, пока не был призван боснийскими сербами выполнить более важную роль, чем профессор психиатрии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.